

Гораздо болѣе, чѣмъ жилъ!
Кого любилъ?... Отецъ святой,
Вотъ что умереть во мнѣ, со мной;
За жизнь, за мѣръ, за вѣчность вамъ
Я тайны этой не продамъ!»

VII.

...И онъ погибъ,—и погребенъ.
И въ эту ночь могильный звонъ
Былъ стени вѣтромъ принесенъ
Къ стѣнамъ обители другой,
Объятой сонной тишиной;
И въ храмъ высокой онъ проникъ...
Тамъ, гдѣ сіялъ Мадонны ликъ
Въ дыму трепещущихъ лампадъ,
Какъ призраки стояли въ рядъ
Двѣнадцать дѣвъ, которыхъ свѣтъ
Причелъ къ умершимъ съ давнихъ лѣтъ...
Неслась молитва ихъ къ небесамъ,
И отвѣчалъ старинный храмъ

Ихъ пѣсни мирный и святой,
И пѣли всѣ, кромѣ одной.
Какъ херувимъ, она была
Обворожительно мила;
Въ ея лицѣ никто-бъ не могъ
Открыть печалей и тревогъ.
Но что такое женскій взглядъ?
Въ глазахъ былъ рай, а въ сердцѣ адъ!..
Прилежнымъ ухомъ у окна
Шумъ вѣтра слушала она,
Какъ будто долженъ былъ принести
Онъ рѣчь любви иль смерти вѣстъ!..
Когда-жъ унылый звонъ проникъ
Въ обширный храмъ—то слабый крикъ
Раздался, пролетѣлъ и въ мигъ
Утихъ. Но тотъ, кто услышалъ,
Подумалъ, вѣрно, иль сказалъ,
Что дважды изъ груди одной
Не вылетаетъ звукъ такой!..
Любовь и жизнь онъ взялъ съ собой.

1830.

Джулио.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Осенній день тихонько угасалъ
На высотѣ гранитныхъ Шведскихъ скалъ.
Туманъ облекъ поверхности озеръ
Такъ, что едва замѣтить могъ въ зорь
Въгущій бѣлый парусъ рыбака
Я выходилъ тогда изъ рудника,
Гдѣ золото—земныхъ трудовъ предметъ —
Тамъ люди достаютъ ужъ много лѣтъ.
Здѣсь обратились страсти всѣ въ одну,
и вѣчный стукъ тревожитъ тишину;
Между столбовъ гранитныхъ и аркадъ
Блеститъ огонь трепещущихъ лампадъ,
Какъ мысль въ умѣ, подавленномъ тоской,
Какая свѣтъ безсильный и пустой!..

Но если очи, въ безпривѣтной мглѣ
Угасшія, морщины на челѣ,
Но если блѣдный, вялый цвѣтъ ланитъ
И равнодушный, молчаливый видъ,
Но если вздохъ, потерянный въ тиш—
Являютъ грусть глубокую души,
О! не завидуйте судьбѣ такой:
Печальна жизнь въ могилѣ золотой!
Повѣрьте мнѣ: немногіе изъ нихъ
Могли собрать плоды трудовъ своихъ.

Не нахожу достаточныхъ рѣчей,
Чтобъ списать восторгъ души моей,
Когда я вновь взглянулъ на небеса,
И освѣжила голову роса.
Тянулись цѣпью острыя скалы
Передо мной; пустынные орлы
Носилися, крича средь высоты.

Я зрѣлъ вдали кудрявые кусты
У озера спокойныхъ береговъ
И стебли черные сухихъ дубовъ.
Отъ рудника вился, желтъя, путь...
Какъ я желалъ скорѣй въ себя вдохнуть
Прохладный воздухъ, вольный, какъ народъ—
Тѣхъ горъ, куда сей узкій путь ведетъ.

Вожатому подарокъ я вручилъ;
Но, признаюсь, меня онъ удивилъ,
Когда не принялъ денегъ. Я не могъ
Понять: зачѣмъ, и снова въ кошелекъ
Не смѣлъ ихъ положить... Его черты
[Развалины минувшей красоты,
Хоть не являли старости онѣ],
Казалось, знакомы были мнѣ.

И подойдя, взявъ за руку меня,
«Напрасно бѣ», онъ сказалъ: «скрывался я!
Такъ, Джулио предъ вами, но не тотъ
Кто по струямъ Венеціанскихъ водъ
Въ украшенной гондолѣ пролеталъ.
Я жилъ, я жилъ и много испыталъ.
Не для корысти я въ странѣ чужой:
Могилы тѣма сходна съ моею душой,
Въ которой страсти, лѣта и мечты
Изыли бездну вѣчной пустоты...
Но я молю васъ только объ одномъ...
Молю: возьмите этотъ свитокъ,—въ немъ...
Въ немъ мѣръ всю жизнь души моей найдете—
И, можетъ быть, онъ васъ остережетъ!»
Тутъ скрылся быстро пасмурный чудакъ,
И посмѣялся я надъ нимъ; бѣднякъ,
Я полагалъ, разсудокъ потерявъ,
Не потерялъ еще свой пылкій нравъ.